

Секция «История»

**Особенности взаимоотношений прихожан и священнослужителей
обновленческих церквей в Москве (с середины 1920-х гг.)**

Чернова Елизавета Леонидовна

Аспирант

*Российский государственный гуманитарный университет, факультет архивного
дела, Москва, Россия*

E-mail: kraevist@rambler.ru

В 1920-е – 1940-е гг. в Русской православной церкви развивался «обновленческий» раскол. Историки, затрагивающие в своих трудах обновленческую реформу управления приходами, единодушно утверждают, что она была направлена на лишение приходских советов власти [См. например: 1. Журавский А.В. Обновленческий приход в 20-е гг. XX века // История Русской православной церкви в XX в. М., 1999.; 2. Стратонов И.А. Русская церковная смута (1921 – 1931) // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995.; 3. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.].

Однако, видится, что обновленцам было важно не столько подчинить приходы, сколько добиться признания среди них, поэтому взаимоотношения мирян с обновленческими пастырями требуют более внимательного рассмотрения. В данной статье поставлена задача изучить характер их отношений через рассмотрение действий мирян в отношении обновленческих священников в Москве со второй половины 1920-х гг. Этот период выбран потому, что с 1924 г. в ведении обновленцев остаются только те приходы, прихожане которых внешне признавали их реформы.

Основой рассуждениям служат документы дел, образованных в результате деятельности обновленческого Московского Епархиального Управления (далее МЕУ), хранящиеся в Центральном историческом архиве Москвы (указы Синода МЕУ, циркуляры Синода МЕУ, протоколы заседаний МЕУ) [ЦИАМ. Ф. 2303. Ед.хр. 5 – 21].

Видимо, фактором выстраивания тесных взаимоотношений, в которых прихожане и священнослужители перетягивали «одеяло» управления приходской жизнью на себя стало то, что «МЕУ 1.10.1922 г. постановило: общее приходское собрание избирает не менее трех кандидатов, из которых МЕУ утверждает достойнейшего». [4. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед.хр. 11. Л.4]. Как показывают документы МЕУ, прихожане научились использовать подходы реформаторов к управлению в своих интересах.

Прихожане храма св. Николая в Дербентском во второй половине 1920-х гг. пишут обстоятельное письмо, в котором уверяют МЕУ, что «члены потеряли интерес к работе благодаря давлению прот. Цветкова». [6. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед. хр. 15. Л. 84]. Если проследить весь путь рассуждений членов прихода, то можно выявить две довольно интересные черты их логики, направленной на убеждение МЕУ, что МЕУ следует прислушаться к их заявлению: 1) поведение пастыря ведет к материальному обеднению прихода; 2) его поведение приведет к разрушению пока еще верной обновленчеству общины и переходу многих ее членов в «тихоновщину». Эти два тезиса становятся закономерными для переписки других приходов, пытавшихся отстоять свои интересы перед лицом МЕУ.

Среди поступающих в МЕУ жалоб и заявлений выделяются по своей содержательности письма от приходских советов при кладбищенских храмах. Московские кладбищенские храмы, находившиеся в ведении обновленцев, больше страдали от политики назначений в причты по причине постоянных попыток обновленческих органов управления увеличить количество штатных мест. С 1925 г. члены приходских советов храмов при Миусском, Семеновском кладбищах регулярно шлют в МЕУ письма с просьбами сократить штаты. В 1925 г., например, от приходской общины Воскресенской при Семеновском кладбище церкви в МЕУ поступило письмо на восьми страницах, которое завершается словами «вакансии же пятого и шестого священника закрыть по мере выхода их заместителей» [5. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед. хр. 14. Л. 115.]. Совершенствуются методы воздействия на МЕУ: миряне указывают и на то, что новые назначения повлекут за собой не только бедность прихода, но и его священнослужителей.

Заметим, что все формы несогласия с действиями МЕУ, направленными на управление приходами, включая ироничный тон писем, попытки влиять на назначение священников латентны, миряне пытаются решать все вопросы во взаимодействии с МЕУ. Причем с каждым годом наблюдается успокоение обновленческих общин.

С каждым годом количество документов, направляемых от приходских общин в МЕУ с различными просьбами, уменьшается. Из этого можно сделать вывод, что причиной отсутствия инициативы устройства жизни приходов со стороны членов общин является фактическое подавление любой инициативы прихожан в организации приходской жизни. С другой стороны, отсутствие инициативы с конца 1920-х гг. в организации жизни приходов мирян обусловило и то, что после 1928 г. в ведении обновленцев находилось только 10 храмов, и их число постоянно было под угрозой уменьшения. Составы причтов с конца 1920-х гг. также не увеличивались. Уже в 1928 г., например, общину при Семеновском кладбище избавили от шестой и седьмой священнических вакансий, не говоря уже об открытии восьмой. Сокращение рядов обновленцев стало и причиной уменьшения жалоб мирян в МЕУ.

Таким образом, изменение поведения обновленческих общин в зависимости от изменения представлений о своей зависимости от воли обновленцев есть основная черта московских обновленческих приходов. Каждая из них с каждым годом все более в письмах МЕУ подчеркивала свою обновленческую направленность. Но во внутренней жизни благодаря иронично-сухому стилю писем мирян можно увидеть полное равнодушие к идеям реформаторов об обновлении Церкви.

К концу 1920-х гг. это движение уже не выглядело столь одиозным, как во время своего возникновения. С одной стороны, это объясняется постепенным уменьшением количества приходов. С другой стороны, как явление обновленчество в Москве «пережили»: уже в конце 1920-х гг. члены МЕУ отмечают, что «нет уже драк около наших приходов». [7. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед. хр. 17. Л. 74].

Таким образом, рост московского обновленчества в 1930-х гг. был невозможен в силу отрицательного восприятия московскими прихожанами этого движения. Не могла и измениться политика ВЦУ по отношению к московским приходам по нескольким причинам. Во-первых, к концу 1920-х гг. выстроился привычный для обеих сторон (обновленцев и прихожан их храмов) порядок взаимоотношений, правила которых были им хорошо знакомы. Кроме того, обновленцы не могли существенным образом повлиять на восприятие себя в среде прихожан: они являлись раскольниками.

Литература

1. Журавский А.В. Обновленческий приход в 20-е гг. XX века // История Русской православной церкви в XX в. М., 1999.
2. Стратонов И.А. Русская церковная смута (1921 – 1931) // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995.
3. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.
4. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед.хр. 11.
5. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед. хр. 14.
6. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед. хр. 15.
7. ЦИАМ. Ф. 2303. Ед. хр. 17.